

В. А. Кравцова

Науч. рук. – С. Б. Цыбакова, канд. филол. наук, доцент

**ОБРАЗ ВЕДЬМЫ В РОМАНЕ С. А. КЛЫЧКОВА
«ЧЕРТУХИНСКИЙ БАЛАКИРЬ»**

Статья посвящена анализу наиболее ярких и существенных особенностей, характеризующих ведьму как представительницу славянской демонологии в романе С. А. Клычкова «Чертухинский балакирь». Научная новизна исследования состоит в реконструкции черт, отличающих ведьму, согласно народным представлениям, в образе женщины-оборотня Ульяны. Данный образ рассматривается не только с позиций авторского видения в нем сходных черт с ведьмой как порождением народной фантазии, но и в аспекте осмысления тех особенностей персонажа, которые являются плодом художественного вымысла, персонифицируя языческо-демоническую стихию плоти.

В восточнославянской народной демонологии ведьма – это женщина, обладающая сверхъестественными способностями, которые она чаще всего использует во имя злых целей. Согласно народным представлениям, знание особых заклинаний и связь с нечистой силой – специфические черты, отличающие ведьму от обычных людей. Не случайно, что и само слово «ведьма» происходит от слова «ведать», то есть знать. Один из женских персонажей неомифологического романа С. А. Клычкова «Чертухинский балакирь» – ведьма Ульяна, в образе которой автор воплотил традиционные народные представления о ведьмах, обладающих магическими способностями и служащих нечистой силе.

В произведении ведьма Ульяна предстаёт в традиционном облике одинокой деревенской чародейки: «стояла небольшая избушка, и жила в ней бобылка, не тем будь помянута, наговорная баба Ульяна» [1]. В повседневной жизни героиня ничем не отличается от обычных женщин. Ее демоническая сущность раскрывается писателем постепенно, в ряде изображенных им различных колдовских обрядов. Так, в романе показано превращение Ульяны в лягушку: «...раскрывши глаза на самом свету, хорошо различил длинную шею, по шее шли такие пупырышки, замест сарафана чернела суконка, и в стороне черный дырявый подол завивался в траве конским хвостом, в головах же сидела травяная лягушка и громко квакала на Петра Кирилыча» [1].

Чертухинская ведьма выдает себя необычным взглядом: «опалила

ее Ульяна прищуренным кошачьим глазком» [1]. Автор изображает Ульяну в духе народных поверий. Она безобразна, тело её непропорционально голове, – данные черты выдают ведьму: «Не пошевелится она, глаза закатились, по всему лицу синие пятна и такая истома; в губах набилась белая пена, и губы скривились и застыли в поздней, похожей больше на усмешку, улыбке» [1].

Е. Лукова отмечает: «Чертухинская ведьма Ульяна может превратить любого человека в животное (если верить деревенским слухам), или сама обернуться лягушкой, корягой, мертвецом, старухой-Ягой. Одним из вариантов функционирования мотива колдовства в произведении является высыпание из подола зайцев. Призрачные лунные зайчики – насмешка над незадачливыми охотниками, если вспомнить, что Ульяна краснобайка и прибауточница» [2].

Ульяна – носитель одной из трёх отличных друг от друга мировоззренческих систем, отображенных С. А. Клычковым в романе, – она «материализует идею плоти» [3, с. 157]. Тётка Ульяна, весёлая чертухинская баба, которой «бес <... > плюнул в ребро» [1], претендует не только на душу, но и на тело балакиря.

С. А. Клычков наделяет Ульяну brutальными чертами, подчеркивает в ее образе гипертрофию животного начала, неукротимую стихию земных желаний. Названная выше особенность также связана с мотивами оборотничества и колдовства. Ульяна одновременно способна превратиться в лошадь и в гусара: «...но Ульяна вскочила на вязанку с сучками, свистнула на весь чертухинский лес, сучки в береме зашевелились, полез из берема сперва лошадиный хвост, потом задние ноги и круп, потом, словно темь, закурчавилась воронья грива, и вмиг перед Петром Кирилычем взвилась на дыбы большая черная лошадь с большим черным пушистым хвостом до щиколоток, и на хребте у нее, не держась, уже сидел самый заправский гусар, в заливчатской шапке с плюмажем, с саблей на боку, каких Петр Кирилыч видел у мирского попа на картинке. Вгляделся Петр Кирилыч в лицо и обомлел: тетка Ульяна!» [1]. «Ульяна подобна нагой деве, рыжей погани, которая искушала Спиридона на Афоне» [3, с. 153]. В романе Петр Кирилыч, вслед за Спиридоном, также называет чертухинскую ведьму «поганью» [1].

Избыток телесности как одна из важнейших черт портрета Ульяны – внешнее выражение ее огромной силы животной энергии, похотливости, языческой стихии плоти. Изображая, например, пляску чертухинской ведьмы на свадьбе Петра Кирилыча, куда Ульяна была приглашена по деревенскому обычаю, С. А. Клычков использует своеобразную натуралистическую гиперболу: «Остановилась вдруг

Ульяна на полном ходу против отца Миколая, прищелкнула так, что у дьякона кусок во рту застрял, и затопотала на месте; в заду словно два больших жернова под сарафаном ходят» [1]. В иносказательной форме автор показывает и агрессивность Ульяны, нетерпимость бесстыдной и ненасытной в своей жажде плотских удовольствий женщины-оборотня по отношению к любому, кто ограничивает разгул ее языческо-демонической природы: «Впилась Ульяна в Спиридона, как сова в ворона, перегнулась за стол, инда Спиридону показалось, что Ульянины бобыльки груди выпрыгнули к нему на тарелку, только моргнуть успел Спиридон» [1].

По словам Н. М. Солнцевой, «колдунья Ульяна – это третий и самостоятельный взгляд на мир» [3, с. 153]. А. К. Воронский трактовал данный персонаж как воплощение судьбы Спиридона. Но вероятнее всего, ведьма Ульяна персонифицирует идею плоти.

«Причудница, прибауточница, волховница, она являет собой бескомпромиссный антипод и официальной религии, и Спиридонова аскетизма, и Антютиковой гармонии» [3, с. 160]. Также Н. М. Солнцева в работе «Последний Лель» замечает, что Ульяна является разрушительной плотью, той стихией, что «хранилась и в роковых яйцах, и в сердце Шарикова» [3, с. 162].

Чертухинская ведьма предельно динамична, обладает сверхобычной жизненной энергией. «С ней происходят положенные колдунье метаморфозы, она стремительно вмешивается в судьбу балакиря, мельника, Маши...» [3, с. 166].

Специфической чертой ведьмы является сосуществование в ней человеческого и демонического начал, что понимается как наличие у колдуньи двух душ: обычной, человеческой, и злой, демонической, которая покидает по ночам тело спящей женщины и вредит людям. Так, в романе ведьма Ульяна сочетает в себе как человеческие, так и сверхъестественные черты: «У одних она слыла за большую причудницу и прибауточницу, веселую бабу, другие же судачили, что бес ей плюнул в ребро, и с той поры она-де может с тобой сделать что ни захочет: захочет тебя в барана обернуть али в волка и... обернет и сама обернется в кого ни вздумает» [1]. В селе Чертухино граница между миром добра и зла, людей и бесов фактически стерта. Не случайно клычковский герой, встретив в лесу ведьму Ульяну в образе бабы-Яги, принял ее «не за то» [1].

В романе отображена магическая связь ведьмы с природными стихиями и явлениями, получившая распространение в народной среде. Ульяна влияет на погоду, может, например, вызвать сильный дождь.

Согласно народным представлениям, ведьма может «портить» людей многими способами, преследуя их в облике животных,

наговаривая, напуская болезни через ветер, воду, разные предметы (и даже посредством прикосновения или взгляда). В романе С. А. Клычкова ведьма Ульяна является губительной силой как для самого балакиря, так и для других персонажей произведения. Ее ворожба не обходится без помощи нечистого: «Однажды Петьке Цыгану высыпала за околицу столько зайцев из подола, что тот весь порох расстрелял, а домой... ни одного не принес! Такая после черта у бабы появляется сила!..» [1].

Чертухинская ведьма питает любовные чувства к Петру Кирилычу, что оборачивается для последнего большим несчастьем. Ульяна преследует его, не давая покой ни днём, ни ночью, где бы ни находился балакирь: «легли голые крепкие руки и завились у него мертвой петлей на шее...» [1]. С помощью колдовских чар ведьма пытается приворожить Петра Кирилыча: «Ульяна все шепчет, все шепчет ему в самое ухо, только что она шепчет, ничего хорошо не разберешь» [1]. От преследования ведьмы балакирь находит спасение в христианской молитве: «Осподи Суси! – сказал Петр Кирилыч сам про себя» [1]. Молитвенные слова позволяют избавиться от присутствия нечистого духа, под властью которого находится Ульяна: «Уж то ли устала Ульяна держать силком Петра Кирилыча за воротки, то ли еще почему, только сразу руки Ульяны словно размокли и стали покорные и бессильные, как девичьи в первую ночь» [1].

Колдовская сила деревенской ведьмы Ульяны оказывается губительной для дочери мельника Маши. Ульяна с помощью сон-травы во время свадьбы опаивает Машу, вследствие чего девушка глубоко засыпает, и деревенские жители хоронят ее живой.

В конце романа происходит неожиданное событие – горит мельница Спиридона. Можно предположить, что именно Ульяна, мстя за плотский аскетизм мельника, за своё изгнание с мельницы, подпаливает подызбицу. В огне гибнет мельник и все атрибуты его мужицкой религии.

Согласно общераспространенным представлениям, ведьмы и колдуны не могут умереть и страшно мучаются, пока не передадут кому-либо своих знаний. Вопреки своему желанию Ульяна не может умереть: «Сама говорила, что рада бы смерти, да и смерть, видно, от нее отступилась» [1].

Таким образом, в образе деревенской ведьмы Ульяны С. А. Клычковым максимально сконцентрированы традиционные народные представления о тёмной силе, воплощающей зло и являющейся враждебной и губительной для всего живого. Автор романа «Чертухинский балакирь», наделив Ульяну многими демоническими свойствами, отобразил их связь с плотским началом в человеке, почитаемым языческой религией. В неомифологическом

образе чертухинской ведьмы воплощена языческая стихия пола, идея дуализма материи и духа.

Список литературы

1 Клычков, С. А. Чертухинский балакирь [Электронный ресурс] / С. А. Клычков.– Режим доступа: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=101001>. – Дата доступа: 03.04.16.

2 Лукова, Е. Мифопоэтика мотивов произведений Н. В. Гоголя в романе С. Клычкова «Чертухинский балакирь» [Электронный ресурс] / Е. Лукова. – Режим доступа: <http://lykova-elena.livejournal.com/10224.html>. – Дата доступа: 15.04.2016.

3 Солнцева, Н. М. Последний Лель. О жизни и творчестве Сергея Клычкова / Н. М. Солнцева. – М.: Московский рабочий, 1993. – 223 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ